

Маленькая Юй Сю тоже потянулась и направилась в свою комнату.

Она достала «Алмазную сутру» и принялась её переписывать.

Облако чернильного цвета поднималось от крыши и струилось вверх.

Она подняла задеревеневшую голову и уставилась на этот столб.

Столб не рассеивался очень долго.

Он стремительно карабкался по высоткам, и его движения выглядели крайне жутко.

Шедшие позади люди снимали всё на видео.

— Сейчас этот загадочный человек уже вызвал панику среди населения, народная полиция бросила все силы на его поимку, мы тоже должны внести свой вклад.

— Руководство требует обязательно найти его, но вреда не причинять...

— ...

Цзян Нань сидела за своим столом и играла в «Сапёра», пока остальные столпились вокруг капитана.

Цзян Нань чувствовала себя совершенно беспомощной и смертельно устала.

В конце концов, это её не касалось.

Опустилась ночь.

Сегодня дежурила Цзян Нань.

Она кликнула по видео.

На записи какой-то чумазый мужчина прыгал по крышам домов.

Цзян Нань не понимала: судя по всему, обычный мастер боевых искусств, почему ради его поимки подняли такой шум?

Она проскроллила видео дальше.

Теперь можно было вблизи рассмотреть рану на его шее — она даже не покрылась коркой.

На обнажённой коже не было трупных пятен.

Камера подрагивала.

— Все эти раны настоящие?

В голосе за кадром слышалось возбуждение.

Мужчина на видео смотрел перед собой остекленевшим взглядом, упрямо шагая вперёд.

— Тебе совсем не больно?

Камера приближает рану на его груди, та выглядит странно и неестественно.

Цзян Нань поставила видео на паузу и пригляделась ещё внимательнее.

Рана совсем свежая, но ведь этот человек ходит в таком виде уже несколько дней?

Цзян Нань продолжила прокручивать ленту.

Юй Чжаньцюань лежал на кровати и размышлял о том, чем ему заняться в будущем.

Внезапно он сел.

Где же та тетрадка, в которой дедушка раньше записывал соболезнования для похорон?

Юй Чжаньцюань принялся рыться на втором этаже.

Наконец в запылившейся картонной коробке он нашёл маленькую записную книжку в чёрной обложке.

Внутри были записаны телефонные номера, суммы выплат и адреса.

Решив, чем он займётся в дальнейшем, Юй Чжаньцюань подумал, что теперь его матушке не придётся так тяжело пахать, а он сможет взять часть забот на себя.

Бай Синцзянь крутил в руках человеческую кость, расставляя учебники.

Он продолжал учиться.

Днём Юй Чжаньцюань встал ни свет ни заря и позавтракал внизу.

— А в пельменной семьи Чжан случаем не сменился рецепт? Почему они на вкус стали ещё лучше, чем раньше?

Юй Чжаньцюань жевал паровой пирожок с зеленью, и его голос звучал немного невнятно.

Чжун Цзи кивнула, отхлебывая кашу:

— Я спрашивала раньше, рецепт действительно поменяли.

Юй Чжаньцюань уплетал лапшу:

— А вот лапша осталась прежней.

— И всё же, хотя этот жилой комплекс не так уж далеко от нашего прежнего района, бегать сюда за завтраком — такая морока.

— Почему бы не купить прямо у входа?

Юй Чжаньцюань заморгал своими круглыми, наивными глазами и уставился на мать.

Чжун Цзи даже бровью не повела:

— У них есть чат доставки, можно заказывать прямо там, и за доставку платить не нужно.

И она добавила:

— А пельменную у входа в этот комплекс я не люблю.

— Оу.

Всё-таки старый вкус приносил успокоение.

Стоило Чжун Цзи выйти за дверь, как она заметила рядом импровизированный лоток, которым

заведовал Бай Сюй.

Чжун Цзи ободрила его:

— Неплохо, процветания твоему бизнесу!

— Только сегодня открылся, сперва попробую.

— Загляну к тебе после смены.

— Хорошо.

Юй Чжаньцюань с балкона второго этажа проводил мать взглядом и только потом спустился вниз на улицу.

— Куда это маленький Юй направляется? — тепло поинтересовался Бай Сюй.

Юй Чжаньцюань держал в руках пенал для кистей и, глядя на этот лоток, подумал об одной вещи.

— Дядя Бай, вывеска для лавки не нужна? Я очень красиво пишу тушью.

Во второй половине дня Бай Синцзянь вернулся после занятий и заметил на отцовском лотке несколько винтажных деревянных дощечек, на которых были выведены названия видов лапши.

— Пап, это ты всё написал? Когда успел научиться?

Бай Сюй покачал головой:

— Это Юй Чжаньцюань написал. Семь юаней за иероглиф! Посмотри, как красиво человек пишет.

— И мне скидку в тридцать процентов сделал.

Бай Синцзянь окинул взглядом несколько вывесок и потерял дар речи: тут же наберётся не меньше пятидесяти иероглифов?!

Широким шагом он подошёл к двери квартиры Юй Чжаньцюаня и забарабанил в неё.

Тетя Чжун в это время ещё не вернулась.

— Юй Чжаньцюань! Выходи!

— Как ты посмел так бессовестно надуть моего отца на деньги?!

Бай Сюй подошёл ближе:

— Эй, какое там надуть, парень на улице гуляет, дома его нет.

Бай Синцзянь посмотрел на простодушное выражение лица собственного родителя и сник.

— Ладно, я пока в комнату.

— Хорошо.

Юй Чжаньцюань сидел на ступеньке у цветочной клумбы и тяжело вздыхал, глядя на последний адрес в блокноте.

Приехав на общественном электроскутере к антикварной лавке, он толкнул дверь.

Раздался звонкий перелив старомодного колокольчика.

— Если что-то нужно, можете осмотреться, — поприветствовала его яркая, видная женщина в ципао.

— Мой дедушка лежит в больнице, я хотел узнать, не нужны ли вам тексты для погребальных свитков.

— Я очень красиво пишу.

— Внук Юй Чжаньцюаня?

Юй Чжаньцюань кивнул, а в его глазах читалась робкая тревога.

Она посмотрела в чистые глаза стоявшего перед ней парня:

— Что ж, попробуй для начала.

Они сели друг напротив друга за её рабочим столом.

Юй Чжаньцюань взял в руки кисть, но долго не мог вывести ни единого иероглифа:

— А что именно нужно писать?

Она приподняла бровь:

— Что обычно пишут на погребальных свитках, то и пиши.

Юй Чжаньцюань опешил:

— И... что же обычно пишут на погребальных свитках?

— Скорбь по ушедшим близким. В парные надписи вкладывают тоску родных и друзей.

Спустя какое-то время на рисовой бумаге расплылась и застыла капля чернил.

Юй Чжаньцюань опустил кисть:

— Простите за беспокойство.

— Постой.

Юй Чжаньцюань поднял голову.

— В свитках, написанных твоим дедушкам, чувствовалась особая сила. Эта сила не только утешала живых, но и позволяла усопшим обрести покой.

— Вот почему в наше время всё ещё находятся люди, которые просят его написать погребальные куплеты.

Юй Чжаньцюань замер:

— Какая сила?

— Сила, в которой заключена любовь, семейная привязанность и дружба.

— Другие люди могут ясно почувствовать эти эмоции, читая свитки.

Заметив, что собеседник всё ещё пребывает в растерянности и сомнениях, она с досадой вздохнула:

— Возвращайся. Пожалуй, эта работа тебе не подходит.

Юй Чжаньцюань побрел к выходу, понутив голову.

Но в спину ему снова донёлся голос хозяйки лавки:

— Если захочешь попробовать ещё раз, можешь прийти снова.

— Спасибо.

Юй Чжаньцюань поехал домой.

Смотря на дорогу перед собой, он мыслями возвращался в прошлое.

— Посмотри-ка.

Маленький Юй Сю держал кубок и денежную премию, а Юй Чжаньцюань, поправив очки, придирчиво разглядывал их.

С суровым лицом он изрёк:

— То, что ты пишешь — всего лишь жалка подделка под мастеров прошлого! В этом нет души.

Маленький Юй Сю радостно улыбнулся:

— Дедушка хвалит то, как красиво я пишу?

Юй Чжаньцюань на мгновение замер, чувствуя себя несколько обескураженным:

— Писать нужно от всего сердца, а слепое подражание не принесёт никаких успехов.

— Оу...

Юй Чжаньцюань провернул в замке ключ, и скрип двери заставил Бай Синцзяня насторожиться.

Бай Синцзянь высунулся с балкона:

— Юй Чжаньцюань!

Юй Чжаньцюань от неожиданности вздрогнул и поднял голову:

— Чего тебе?!

Но Бай Синцзянь уже скрылся, оставив Юй Чжаньцюаня в полном недоумении.

Стоявший внизу Бай Сюй почувствовал себя неловко:

— Малыш Юй, ты на него не сердись, я с ним поговорю, когда вернёмся.

Юй Чжаньцюань кивнул:

— Дядя Бай, вы уж не забудьте.

Спустившийся вниз Бай Синцзянь, услышав это, только глаза закатил.

— Ещё хоть раз посмеешь надуть моего отца на деньги — пожалеешь!

Юй Чжаньцюань посмотрел на его чистое лицо, не излучавшее особой угрозы.

— Оу.

Бай Синцзяня едва не хватил кондратий.

— Оу?!

Юй Чжаньцюань озадачился:

— А чего ты ещё от меня хочешь?

Бай Сюй обхватил за талию рвавшегося в бой Бай Синцзяня, пытаясь удержать его от расправы над Юй Чжаньцюанем.

Юй Чжаньцюань испугался бросившегося на него парня.

Бай Сюй замахал рукой:

— Беги домой, я сам во всём разберусь.

Наивный взгляд Юй Чжаньцюаня в сочетании с перепуганным выражением лица выглядел комично.

Рядом слышался смех.

Все трое резко обернулись.

Смех Чжун Цзи оборвался на полуслове.

— Мам? Разве тебе сегодня не в ночную смену?

Юй Чжаньцюань уставился на матушку, на чьем лице всё ещё играла улыбка.

— Старый Ли завтра вечером идет на свидание, мы поменялись сменами.

Бай Синцзянь послушно поздоровался:

— Здравствуйте, тётя Чжун.

— Это что тут у вас? Опять нашего Юй Чжаньцюаня обижают? Я помогу тебе задать ему трепку.

— Всё в порядке, тётя, — покачал головой Бай Синцзянь.

— Он говорит, что я обманул дядю Бая на деньги, но у нас всё по честному, по прейскуранту.

Чжун Цзи не поняла:

— Чего?

— Я пишу ему вывески, семь юаней за иероглиф.

Внимание Чжун Цзи тут же переключилось на деревянные таблички:

— Семь юаней за иероглиф?! Немедленно верни деньги человеку!

Бай Сюй поспешно запротестовал:

— Нет-нет-нет, я считаю, что написано прекрасно, они стоят этих денег.

Чжун Цзи посмотрела на чистые глаза собственного сына, и в ней вскипело раздражение:

— В следующий раз посмеешь брать столько денег!

— Оу.

Чжун Цзи ухватила его за ухо:

— Оу?

Юй Чжаньцюань обеими руками осторожно прикоснулся к руке матери:

— Понял я, понял.

Бай Синцзянь наблюдал за этой сценой со злорадным удовольствием.

<http://bllate.org/book/21848/2265741>